Выходитъ въ каждую пятницу.

Адресъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Объявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 26. Горлицы, пятница 28. червня (11. липня) 1913 года. Годъ III.

ЧИСТОТА.

Бесѣдуйте, — што хочете, але чистота естъ перша въ житю человѣка. Якъ пріятно зъѣсти съ чистого гратка, — хотя и убогу страву, якъ пріятно ввойти до чистенкой хижи, якъ пріятно видѣти чисто убраного ци хлопа, ци женщину!...

А засъ якъ мерзка нечистота! Тамъ де дома не чисто, де шитко брудно, начиня не мыте, хыжа неметена, газдыня прибрана брудно, та хотя бы давала ѣсти „марцыпаны“, пити „каву“ и „гарбату“, та то не лѣзе до горла, бо нечисто!... — Сто разы пріятнійша, сто разы милѣйша бѣда а чиста, якъ роскôшъ а брудный. — Сто разы я волю ввойти пôдъ чисту соломяну або гонтяну стрѣху, якъ до нечистой каменицѣ!

Але насъ ту бôльше обходитъ село. Въ загалѣ наши села дѣлятся на села чисты и нечисты. Не хочу тутъ вычисляти селъ чистыхъ и нечистыхъ, жебы ся люде не гнѣвали, але такъ направду естъ. Былъ я южъ и въ тôмъ селѣ и въ тôмъ селѣ, въ той хижѣ и въ той, видѣвъ таку газдыню и таку, былъ въ богатыхъ и бѣдныхъ, видѣвъ **чистоту** и **нечистоту**...

Идете дорогомъ... Идете презъ едно село, люде чисты, веселы, — обыстя заметене, порядокъ, ввойдете до хижи — выбѣлено, выстелено, газдыня чистенька, лемъ ся цѣлувати хоче, а люде въ такôмь селѣ, ажъ ся серце радуе! не рабы, не кланяются возьному, ани жандармови, не гнутся во двое — предъ першимъ-лѣпшимъ сурдутовцьомъ, не лижутъ по рукахъ іегомосьцѣвъ, бо каждый знае собѣ цѣну, каждый розумѣе, што мае такы самы права до божого сьвѣта, якъ другы люде.

Ждійте, бо мы зачали о чистотѣ: Идете презъ друге село: — Презъ дорогу плыне гнояниця, на оборѣ гнояниця, на статку гнояниця, на газдынѣ гнояниця... Повылѣтуютъ

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

Новгородцы шумно вызвались защитить его, и Всеволодъ долженъ былъ вести ихъ на Суздаль противъ Юрія, но дойдя до рѣки Дубны, вернулся обратно. Недовольные этимъ и ставя свою честь въ возобновленіи похода, — новгородцы требовали, чтобы ихъ снова вели на Суздаль. Напрасно отговаривалъ ихъ отъ этого предпріятія кіевскій метрополитъ, пріѣзжавшій въ Новгородъ. Задержавъ у себя митрополита силой, они на святкахъ, въ страшные морозы выступили въ походъ. Черезъ мѣсяцъ на Ждановой горѣ (въ нынѣшней Владимірской губерніи) произошла кровопролитная битва.— Новгородцы бились крѣпко, — пали во множествѣ, положили еще болѣе суздальцевъ, но не одержали побѣды. Всеволодъ едва спасся съ небольшимъ остаткомъ дружины.

Тогда безпокойные и самовластные новгородцы выискали за Всеволодомъ разныя вины и торжественно осудили его на изгнаніе. Его заключили въ епископскомъ домѣ съ женой, дѣтьми и тещей (онъ былъ женатъ на дочери святого князя Николая Святощи) и продержали семь недѣль подъ стражей до прибытія новоизбраннаго князя.

Ярополкъ далъ изгнаннику Вышгородъ, но вскорѣ нѣкоторые новгородцы пришли звать его обратно. Выросши въ Новгородѣ, Всеволодъ любилъ его, какъ родину, и неблагодарныхъ новгородцевъ — какъ братьевъ. Онъ тосковалъ вдали отъ Новгорода и съ радостью направился туда.

Псковитяне приняли его съ радостью, но новгородцы не хотѣли слышать о немъ и собрались на Псковъ. — Тогда псковитяне завалили всѣ дороги, шедшія по дремучимъ лѣсамъ, устроили окопы и такъ грозно готовались къ защитѣ. что новгородцы вернулись назадъ.

Во Псковѣ Всеволодъ заложилъ каменный храмъ во имя св. Троицы, понынѣ составляющій величайшую святыню Пскова. — Не болѣе года онъ княжилъ здѣсь, и это былъ годъ сплошныхъ подвиговъ благочестія.

Всегда набожный, теперь предчувствуя смерть, онъ усугубилъ строгость жизни; смирялъ себя постомъ и молитвой, питалъ (кормилъ) нищихъ, призрѣвалъ странниковъ, ходилъ за больными, перевязывалъ самъ ихъ раны.

Эти христіанскіе подвиги не были нарушены дѣлами воинскими: слава Всеволода сдерживала окрестные народы, трепетавшіе его имени; никто не смѣлъ напасть на Псковъ, и не выдалъ князь никому чести вѣрнаго своего города. — 11. февраля 1138 г., послѣ недолгой бобѣзни, онъ тихо почилъ въ лѣтахъ нестарыхъ и въ небесныхъ селеніяхъ принялъ успокоеніе отъ той горечи, испытаній и униженій, какія вынесла на землѣ его благородная и кроткая душа.

Когда его не стало, тогда только новгородцы опомнились и поняли, какого праведнаго человѣка они гнали. Они послали въ Псковъ протопопа отъ св. Софіи, именемъ полюда, чтобы перенести тѣло князя въ Новгородъ. Но гроба не могли сдвинуть съ мѣста: князь хотѣлъ остаться тамъ, гдѣ его при жизни покоили и любили. Горько плакали послы новгородскіе и молили дать имъ хоть малую часть отъ мощей. Тогда самъ собой отпалъ нохоть отъ руки блаженнаго князя. Въ радости послы понесли эту святыню въ Новгородъ.

Такъ какъ заложенный Всеволодомъ соборъ св. Троицы не былъ еще довершенъ, то псковитяне погребли его мощи въ церкви великомученика Димитія Солунскаго. Чрезъ 54 года онѣ обрѣтены нетлѣнными, и св. князь, явившись въ видѣніи одному благочестивому мужу, — сказалъ: „Объяви властямъ, чтобъ перенесли мои мощи въ храмъ св. Троицы. Тамъ хочу я возлечь. — Господь Іисусъ Христосъ предалъ мнѣ градъ мой Псковъ, чтобы хранить его отъ нечестивыхъ нѣм-

дѣти прикурены, чорны якъ комѣнярчикы... Ба, та што ся дивувати дѣтьомъ, коли презъ вôкно вызератъ мама, якъ „кавка“..., а няньо якъ „крукъ“... Коли хочсте до такой хижи гвойти, то выдыхайте ся добрѣ на дворѣ, потôмъ наберте до себе повѣтря на „мериндю“, призвійте на помôчь всѣхъ сьватыхъ — и такъ гвойтте. Колисте цѣкавы, та посмотте до граткôвъ, — посмотте до якыхъ горци молоко цѣдятъ, де го складаютъ, та коли тото шытко видите, та якъ сте человекъ зо сумѣньомъ, то ничъ — лемъ три дни не будете ѣсти...

И съ такыхъ то селъ выходятъ люде хоровиты, хирлякы. Тамъ николи нема правдивой веселости, — каждый похиленый, смутный, жде смерти. — А причиномъ того есть **„нечистота“.**

Звѣдатеся: „А што есть причиномъ нечистоты?“ Короткій отвѣтъ: **„Темнота“!**

Такъ, темнота есть причиномъ нечистоты. Але не лемъ нечистоты! Темнота — есть причиномъ всякой бѣды, всякого горя, темнота, — то найбôльшій ворогъ русского народа! Темнота причиномъ рабства, темнота причиномъ того, же насъ не цѣнятъ, съ нами не рахуются.

Всьо мае русскій народъ! Мае силу, мае землѣ богато и богатой, русскій народъ способный, робитный, бракуе му лемъ одного до счастя, недостае му **просвѣщенія.**

Темнота прилегла русскій народъ. Она причиномъ всякого зла, — она причиномъ нашой неволѣ, нашого рабства.

Першій врагъ Твôй, — русскій народе, то темнота. **Ставай народе съ тымъ ворогомъ до борьбы, — побѣди его,** а будучнôсть твоя и то будучнôсть счеслива, богата.

Горѣ имѣемъ серца!

Американска Русь спѣшитъ намъ съ помочью.

Въ послѣднôмъ нумерѣ православной американской русской газеты „Свѣтъ“ — находиме возваніе Архіепископа Платона къ Американской Руси, штобы поспѣшила съ помощью Галицкимъ страдальцамъ за Православную Вѣру.

Помощь мае быти такъ моральна, якъ и матеріяльна.

Што тота помошь буде, — то мы певны, бо мы мали примѣръ переконатися. Розходится лемъ о то, жебы тота помощь была обернена на дѣйствительну, правдиву помощь нашому многострадающему народу. — Мы принимаме ту помощь отъ своихъ братôвъ въ Америцѣ, котры тяжко на грôшъ працуютъ, тому тотъ грôшъ — котрый намъ пришлютъ мае быти оберненый на поправленье тяжкой долѣ ихъ православныхъ братôвъ въ краю.

Розходится въ першой мѣрѣ о нашу Лемковщину, такъ якъ ту народъ есть цѣлкомъ въ польскій неволѣ и ввиду того терпитъ найбôльше.

Але якъ на жаль въ цѣлой Галицкой Руси, наша русска партія мае дуже слабу организацію, такъ на Лемковщинѣ нема правѣ жадной. — Въ насъ, або каждый голова организаціи, або нихто... Въ насъ естъ або „многоголовіе“, або „безголовіе“. Въ насъ лемъ „строятся“ робити, — але не робятъ.

Было „въ проектѣ“ скликати велике, на цѣлу Лемковщину вѣче и обговорити справы, бо справы пекучи, установити яку организацію, пляны и т. д. До того часу того нема. А коли буде?

Ци все въ насъ на „проектахъ“ будутъ кончити?...

ДО РОБОТЫ!

Правда, — што мы выставлены на преслѣдуваня, на загладу, правда, — што наши правѣ всѣ предводителѣ опустили рукы або зо страху, — або по поводу личныхъ, особистыхъ порахункôвъ, але

цевъ, и въ немъ хочу пребывать духомъ до скончанія віка“. 1192 г. 27. ноября (въ этотъ день празднуется перенесеніе его св. мощей) св. мощи перенесены и открыто поставлены въ Троицкомъ соборномъ храмѣ.

Въ 1363 г. благовѣрный князь явившись соборному понамарю, спавшему въ притворѣ храма, сказалъ ему: — „Завтра объяви причту св. Троицы и городскимъ начальникамъ, чтобы вынесли иконы изъ церкви. — Въ слѣдующую ночь Господу угодно явить чудо надъ моими мощами“. Приказаніе было исполнено, — и ночью обрушился тяжелый сводъ храма и отшибъ малую часть челюстей благовѣрнаго князя, доселѣ сохраняемую въ серебряномъ ковчегѣ.

У раки св. князя стоитъ древняя чудотворная икона его и виситъ огромный (2 арш. 2 верш. длины), тяжелый (17½ фунтовъ вѣсу) крестообразный мечъ его съ надписью на латинскомъ языкѣ: „honorem meum nemini dabo“, то-есть чести моей не выдамъ никому. Посѣщая Псковъ, царь Іоаннъ Грозный дивился размѣрамъ и тяжести этого меча.

Братъ Всеволода, благовѣрный князь Ростиславъ (Михаилъ) Мстиславичъ, родоначальникъ князей смоленскихъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, чѣмъ удовольствія. Онъ не искалъ великаго княжества и, дважды возведенный на великокняжескій престолъ, искренно желалъ отказаться отъ власти.

Уже въ престарѣлыхъ годахъ, незадолго до смерти, всего болѣе заботясь о судьбѣ своихъ дѣтей, онъ, несмотря на слабость, поѣхалъ въ Новгородъ, чтобъ утвердить княжившаго тамъ сына своего Святослава.

За 300 верстъ отъ Смоленска встрѣтили его смоленскіе послы. Смоляне любили Ростислава и вспоминали съ благодарностью его правленіе. — Онъ тоже любилъ Смоленскъ, — гдѣ онъ открылъ епископскую кафедру, поставилъ славный храмъ Петропавловскій, донынѣ уцѣлѣвшій въ первоначальнинъ видѣ, несмотря на бурную жизнь этого города. — Сынъ его Романъ, внуки, епископъ Мануилъ вмѣстѣ съ народомъ — привѣтствовали старца; вельможи и купцы привезли ему подарки. Это вниманіе хорожанъ было дорого князю.

Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ и вызвалъ туда къ себѣ знатнѣйшихъ новгородцевъ. Онъ взялъ съ нихъ клятву забыть всѣ неудовольствія на его сына, никогда не искать иного князя и расплучиться со Святославомъ только смертью. Потомъ онъ упокоенный вернулся въ Смоленскъ. Жившая тамъ его сестра Рогнѣда, видя изнеможеніе брата, — совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ, чтобы быть погребеннымъ въ возвигнутомъ имъ Петропавловскомъ храмѣ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ великій князь, я хочу лежать въ кіевской обители св. Феодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ, а если Богъ исцѣлитъ меня молитвами Пречистой Своей Матери и преп. Феодосія, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ.

Блаженный князь скончался 14 марта 1168 г. на пути, съ тихою молитвой на устахъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по главому Твоему, съ миромъ“.

Это были его послѣднія слова, и слезы остановились на застывшихъ ланитахъ преставившагося князя.

Онъ погребенъ въ Кіевскомъ Феодоровскомъ монастырѣ.

Блаженной князь Ростиславъ отличался удивительнымъ незлобіемъ. — Онъ все прощалъ другимъ, — помня только о своихъ грѣхахъ, и, исчисляя долги свои предъ Богомъ, забывалъ о томъ, — что должны ему другіе.

Часто онъ говорилъ игумену печерскому: „Приготовь мнѣ кельо, — боюсь смерти неожиданной“. Каждый постъ онъ пріобщался святыхъ Таинъ, а во время Великаго поста всякую суботту и воскресенье онъ звалъ къ себѣ на обѣдъ игумена печерскаго съ 12 братьями этой обители.

съ того не выходитъ, жебы мы, простый народъ, простый хлопъ, опустили разомъ съ нима руки, жебы мы дали на рабунокъ нашимъ ворогамъ нашу честь, — наше достояніе, — на поруганіе нашу вѣру и русскôсть.

Коли на нашой Святой Руси не было пановъ, — бо прешли въ обозъ польско-латинскій, коли не было священникôвъ лемъ „ксьондзы“, што бесѣдували въ нашихъ церквахъ „казаня“ по-польскы и коли здавалося, же Русь пропаде, — въ оборонѣ русскости и вѣры выступилъ тотъ простый, въ гунькахъ и сѣракахъ народъ и спасъ честь и достояніе всего русского народа.

Наступила и теперь така хвиля для Галицкой Руси. Наши „паны“ котрыхъ мы своимъ хлѣбомъ выгодували, — закоштували нѣмецкыхъ „кныдлѣвъ“, польскыхъ „печѣнъ“ и жидôвскыхъ „куґлѣвъ“ и прилипли до того, якъ муха до меду, а до насъ обернулися плечами.

Обѣцюютъ зато, же якъ собѣ сами тыхъ нѣмецко-польско-жидôвскыхъ присмакôвъ поѣдятъ, та приведутъ до того жолоба и русского хлопа, — и Галицка Русь загине разъ — на все! И доправды! Нашли меже хлопами хрунѣвъ, — котры прилипли разомъ съ нима, котры здрадили свою православну вѣру, — свою честь народну.

Правда, же они зробили тото съ несвѣдомости, съ темноты, але зробили. — Мы обыйдемеся безъ нихъ, бо съ нами сила духа, правда и Богъ!

Але мусиме спѣшитися, — бо може быти за пôзно. Спасайме Галицку Русь! бо иншій намъ ю не спасе!

До роботы!

ВНИМАЙ!

Въ тôмъ року есть намѣреніе устроивати курсъ для инструкторôвъ „Русскихъ Дружинъ“. Курсъ той мае ся отбыти въ Тыличѣ яко въ мѣсцевости найбôльше надаючой ся для той справы.

Але справа тота може прити до цѣли, лемъ втовды, якъ ся збере яке векше число кандидатовъ. — Длятого просиме шитки лемковски села выбрати себѣ одного кандидата и черезъ писмо злогосити ся до Тылича, найдальше до 1. н. ст. серпня 1913 на адресъ:

„РУССКАЯ ДРУЖИНА“
въ Тыличѣ — п. Іосо.

„Смѣхъ и правда“.

Пришло до нашой Редакціи писмо, вправдѣ безъ пидпису, — але мы знаме хто писавъ и пôдъ чію „диктовку“... — Писмо таке (безъ поправокъ):

Многоуважаема редакція газеты „Лемко“!

Доношу о смутнôмъ розламѣ Лемковщины якій малъ мѣстце въ часѣ выборовъ посла до сейму въ Новомъ Санчѣ. Розламъ сей естъ доводомъ здрады, спродайности личныхъ амбиціи и неслыханой темноты политичной, або глупоты полученой зо злобою и зарозумилостію тихъ, котры пришли на розбой Лемковщйны, на пляцъ бою, се есть на мѣстце выборовъ. Я былъ очевиднымъ свѣдкомъ, якъ мазепинскіи священники — Смолинскій и Дуцько, зо своими выборцами лучились съ людовцами польскими, съ которими ишли всѣ учители безъ взгляда на народность, — такожь я чулъ на власныи уши, якъ учители клеветали на священниковъ, къ котрымъ помагали въ клевети и русскіи хруни, якъ напримиръ, выборца зъ Дубного, парохіянинъ отца Дуцька, котрый кричалъ на весь ротъ чтобы не мѣшались до выборовъ, — чтобы не опѣковались хлопами, — бо священники суть только для церкви и только тамъ маютъ голосъ.

О иншихъ хруняхъ наразѣ молчу. — Всѣ они дали голосъ на червоного людовца, — поляка Брошкевича, учителя въ Новомъ Санчѣ.

Моральна сторона сего пана была предметомъ розбиранымъ въ ц. к. Рады шк. окр. въ Новомъ Санчѣ. Съ такими то виборцами ишли въ пари мазепинцѣ и ихъ панвітцї Смолинскій и Дуцько и гуртомъ оддали 17 голосовъ на Брошкевича. Мы Лемки гиршимесь и иншимъ прикладомъ.

Мы довидались, же всѣ нашіи душпастыри умовились на соборчику декանальномъ въ Новой Веси, что они всѣ пойдуть разомъ при выборахъ до сейму. Всѣ отдали верховодство политичне о. Гнатышаку изъ Крыницѣ, — котрый и такъ естъ окружнымъ организаторомъ. Кождый хлопъ невченый, — але коли не естъ глупий и премудрилый такъ тое понялъ. Что о. Гнатышакъ не естъ роздѣленый, отже и политика не буде роздѣлена, ба! хлопъ такъ бравъ собѣ на розумъ. Егомосьцьове тоту едность политычного поступованія заприсягли, — бо они всѣ дали слово и руку отцу Гнатышаку на дотриманіе солидарности и на тое, что они приѣдутъ зо своими выборцами до Санча, — чтобы тамъ выслухати организатора окружнаго о. Гнатышака и яко ихъ черезъ ныхъ выбраного и уполномоченого дѣятеля политичного. Я не хотѣлъ вирити тому слову и гой руци душпастирей, законо учителей — о моей невѣри я никому не признался,

---

Он бесѣдовалъ съ ними о христіанской жизни и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобъ мимотекущую краткую жизнь посвятить Богу въ безмолвіи монастырскомъ.

А благоразумный старецъ, преп. Поликарпъ, — отвѣчалъ ему на это: „Богъ требуетъ отъ тебя другихъ подвиговъ: дѣлай правду, блюди землю Русскую“.

Ростиславъ уступалъ въ дарованіяхъ отцу своему, св. Мстиславу Великому, и дѣду, — Владиміру Мономаху, но всею душой любилъ родину, — любилъ миръ и правду, — страшился проливать кровь русскую.

VII.

Св. князь Константинъ Муромскій. Мученическая кончина св. великого князя Игоря.

Посвѣтитель страны Муромской, св. благовѣрный князь Константинъ, былъ сыномъ князя черниговскаго, въ удѣлъ котораго входилъ и Муромъ. Эта страна была населена грубымъ и дикимъ финскимъ племенемъ, чрезвычайно закоренѣлымъ въ язычествѣ. Кудесники финскіе держали народъ въ своей власти и разжигали суевѣрія.

Великая христіанская ревность наполняла серце князя Константина, и онъ самъ просилъ отца поручить ему Муромскую область. Онъ задумалъ отдать свою жизнь дѣлу просвѣщенія ея жителей. — Готовый на все, зная, что, можетъ-быть, придется запечатлѣть свою дѣятельность смертью, св. Константинъ отправился въ Муромъ. Ему сопутствовали его княгиня, два сына, Михаилъ и Феодоръ, дружина и нѣсколько лицъ духовенства.

Немного не доходя Мурома, князь послалъ впередъ своего сына Михаила, убѣдить городскихъ жителей, чтобы они спокойно приняли новаго князя. — Но, вмѣсто отвѣта, муромцы убили Михаила, выбросили тѣло его за городъ и приготовились къ сопротивленію.

Тогда князь обложилъ городъ. — Муромцы смирились и приняли къ себѣ св. Константина. Только что утвердившись въ Муромѣ, — князь сталъ просвѣщать язычниковъ.

Прежде всего онъ построилъ храмы, и первый изъ нихъ въ честь Благовѣщенія, Пресвятой Богородицѣ. — Здѣсь было погребено тѣло юнаго убіеннаго князя Михаила.

Спутники св. Константина объясняли муромцамъ заблужденія языческія, говорили о Богѣ и Его правдѣ, о служеніи Ему, о христіанскихъ обрядахъ. — Часто и самъ князь приглашалъ къ себѣ старѣйшинъ и убѣждалъ ихъ обратиться ко св. вѣрѣ.

Но на сорной почвѣ трудно было вырасти насажденіямъ истины. Язычники были глухи къ ученію, а нѣкоторые поклялись убить или выгнать изъ города проповѣдника.

Однажды ожесточенная толпа съ оружіемъ подступила къ княжескому двору. Усердно помолившись Владычицѣ, князь съ Ея образомъ въ рукѣ одинъ вышелъ къ возбужденной толпѣ. И тутъ совершилось чудо: во внезапномъ страхѣ бунтовщики пали на землю предъ иконою Богоматери и стали просить у князя крещенія. Св. Константинъ чрезъ нисколько дней крестилъ Муромцевъ въ Окѣ, какъ нѣкогда въ Днѣпрѣ св. Владиміръ — Кіевлянъ.

Утверждая вѣру и гражданственность въ глухомъ краѣ, св. князь въ то же время оборонялъ предѣлы муромскіе отъ болгаръ и мордвы.

Наслѣдовавъ Черниговское княжество, онъ предоставилъ Муромъ своему племяннику. Онъ скончался, горько оплакиваемый народомъ, въ 1129 г. въ Муромѣ и положенъ тамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, близъ гробницъ его сыновей — Михаила и Феодора.

Съ половины XIV. вѣка при гробѣ князя стали совершаться чудеся. Предъ Казанскимъ походомъ, молясь у гробницы, Іоаннъ Грозный далъ обѣтъ, въ случаѣ дарованія ену побѣды, — воздвигнуть новый храмъ Благовѣщенія. — При по-

бо я читалъ въ катехизми и слухалъ науки старыхъ душпастирей лемковскихъ что то есть тяжкимъ грихомъ спродайность, лесть, ошуканьство, обманъ, недодержаніе умовы, но такой видочно злый духъ всегда мнѣ шепталъ, что панвітці мазепинци дадутъ доводы, что катехизмъ и наука старихъ душпастирей уже давно стратили свою силу и моральну вартость. Нетерпеливо я чекалъ дня выборсвъ. — Той денъ далъ доводы, — что не злый духъ надсувалъ мнѣ мое невирство слову и руци законоучителей, але шептали мнѣ тое дѣла мастишыхъ душпастерей, — котрыхъ три епископы завзывали во своихъ письмахъ до любви и згоды. — Красный малисьмо прикладъ въ Новомъ Санчи. Такого розбитя ся — Лемковщина не памятаетъ.

Вѣроломны законоучители сами дали найгорщий прикладъ. Многи не пришли съ выборцами, — иньши провадили свою политику личну, а свѣтовы пташки або зайды зо всходу, котры уважаютъ Лемковщину за богатый шпихлиръ ихъ поживы, — котры не отворили своей губы для користи Лемка, — выслали своихъ птенцовъ, якь волкôвъ до кошара и тіи прибыли до Нового Санча на выборы, хотяй не были выборцами и тамъ предъ выборцами выступили съ крытикою на политику Р. Н. О. и политику Общества Р. Р. противъ Józefa Maciuszka яко належащого до Katolickiego Związku и противъ о. Гнатышака, котрый освѣдчился за его кандидатурой.

17. лемковскихъ здрадниковъ зостали зазначены, яко здрадники народа. Кобаса польскихъ людовцевъ и грошъ Юды продателя и здрадника не вывыжшилъ ихъ, бо они всѣ дали 49 голосовъ своему кандидатови учителеви, а голосовало всѣхъ 226.

Коли вкралась згниль и розламъ въ духовенствѣ, между хлопами и интилигенціей свѣдской и коли упало уваженіе для верховодовъ духовныхъ и политичныхъ, наступилъ уже часъ впровадити живу политику.

Вы законоучители духовники — вы мірскіи птенци яко невыборци, но яко ловкіи въ кошари лемковскимъ и вы здрадники, котры-сьте знюхались съ польскими людовцами и ихъ компаніонами учителями, мусите признати, что вамъ потреба иньшихъ провидниковъ, бо вы дали доводъ, что вы недоросли до политики, — до веденія здорового до теперь Лемка и щиро-русского народа.

Взгорда и презриніе вѣроломникамъ и здрадникамъ — темнымъ и гордымъ политикамъ, а честь перенесшимъ на очахъ боль и здраду долголѣтнимъ, чистымъ и правымъ политыкамъ и такимже яко людямъ.

ВОЗВАНІЕ!

Многоуважаемыхъ членовъ Об-ва „Русская Бурса им. В. Мѣйского“ въ Новомъ Санчѣ, залегающихъ съ уплатою членскыхъ взносовъ, взывается умильно, чтобы изволили уплатить рестанціи по конецъ текущаго мѣсяца, такъ какъ годъ школьный кончился и надо свесты годычные счеты и уплатити всѣмъ вѣрителямъ.

Отъ Совѣта Общества:

Дръ Алек. П. Гассай — предсѣдатель. *Иванъ С. Пилатъ* — секретаръ.

Писмо Мистеръ Фецька.

Моистебы Конашку Гунянко!

Я пріѣхавъ до хыжъ — ужъ емъ ся замельдувавъ до вôйта, а вôнъ повѣвъ, же добрѣ. Але мѣ ся планно ѣхало. — Въ вагонахъ было полно старозаконныхъ Израильтянъ, смердѣло отъ нихъ цибульомъ, козиномъ и чмсикъ ищы. Алемъ ѣхавъ съ ними лемъ до Ясла, бо дале мѣ бракло пѣнязикôвъ, та емъ ѣхавъ на самоходѣ. — А болото было най Богъ хранитъ. — Подерь емъ доцяпъ кьерпцѣ и холошнѣ по колѣна, дамъ сой теразъ зробити зъ нихъ „райтгозы“. Хыбаль же мѣ може Народный Фондъ зафундуе новы, та гевсы шмарю, — або Амрозови дамъ, кой до нья приде.

Въ насъ нее ничъ нового, якъ емъ ся звѣдувавъ газдôвъ ци были въ насъ выборы, то мѣ повѣдали, — же якыси были, але они незнаютъ тому коньця. — А выборцѣ голосували на Стапинского „людовця“. — Такы сутъ то въ насъ руссиакы!

Пріѣхала гевъ до насъ — на свѣже повѣтря, една украинка зо Львова и зъ малымъ україньцьомъ „отземкомъ“. Старый ставъ ищы во Львовѣ. Але ужъ такъ зопсула повѣтря украиномъ, же треба буде засъ втѣкати даде, якъ не поѣде зо свойомъ украиномъ до Львова назадъ. Еденъ засъ „Грицъ“ доставъ той украины въ голову и мусѣли го отвезти до Кульпаркова на курацію.

Аджекъ люде стережте ся украины, бо планно буде. Я самъ нигде съ хыжы не выходжу (хыбаль якъ мушу) бо ся украины бою.

А ищы доношу Вамъ, — же намъ паця здохло такой на другый денъ, якъ емъ пріѣхавъ, бо откальсымъ принюсъ кавалокъ украинской газеты „Діло“, —

стройкѣ этого храма обрѣтены мощи святого Константина и чадъ его нетлѣнными и положены въ особомъ мѣстѣ стѣны. Тамъ, гдѣ убитъ былъ благовѣрный князь Михаилъ, поставленъ недавно храмъ его имени.

Посреди тѣхъ междоусобій, которыя велись князьями изъ-за обладанія кіевскимъ престоломъ, принялъ мученическую кончину св. великій князь Игорь (во св. крещеніи Гавріилъ).

Онъ происходилъ изъ мятежнаго рода князя Олега Черниговскаго, на которомъ св. Мстиславу Великому столько разъ пришлось выказать свое великодушіе. Братъ Игоря, — Всеволодъ, восхитилъ кіевскій престолъ у потомковъ Мономаха и, умирая, передалъ его брату Игорю, которому кіевляне и дали обѣтъ вѣрности. При этомъ, однако, они просили, чтобы Игорь смѣнилъ вельможъ брата, которые угнетали народъ; окруженный дурными совѣтниками, несмотря на добрыя намѣреніи умирить Кіевъ, — Игорь медлилъ исполнить обѣщаніе, и тогда кіевляне, не любившіе олеговичей и желавшіе мономаховичей, предложили тайно престолъ внуку Мономахову, Изяславу Мстиславичу (брату св. Всеволода и Ростислава), который и пошелъ на Кіевъ. — По дорогѣ его встрѣтили послы кіевской области и говорили:

— Мы всѣ за тебя; не хочимъ олеговичъй. Гдѣ ты идимъ твои знамена, тамъ и будемъ.

Между тѣмъ, черниговскіе князья медлили помощью Игорю, торговались съ нимъ, а когда собрались, было уже поздно.

Кіевскіе бояре подъ личиной вѣрности Игорю ссылались потихоньку съ Изяславомъ, и когда началась битва, — Игорь увидѣлъ явную измѣну: въ кіевскихъ полкахъ развѣвались знамена Изяслава, и кіевскіе бояре открыто передавались ему. Рать Игоря была разбита, — Изяславъ торжественно вступилъ въ Кіевъ и занялъ престолъ, а несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь, держали нѣсколько дней въ подгородномъ монастырѣ на Выдубицахъ, потомъ заключили въ темницу въ Переяславлѣ. Въ своемъ бѣдствіи онъ не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о немъ, кромѣ вѣрнаго его брата. Такъ онъ несъ на себѣ расплату за грѣхи отца.

Вскорѣ, изнуренный печалью и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта.

— Давно и въ самомъ счастьи, — говорилъ онъ, — я хотѣлъ посвятить Богу душу мою. Нынѣ, въ темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли желать другого!

Изяславъ отвѣтилъ ему:

— Ты свободенъ; — но выпускаю тебя только ради твоей болѣзни.

Его отнесли въ келлію: 8 дней лежалъ онъ, какъ мертвый, но послѣ пострига совершенно выздоровѣлъ и принялъ схиму въ въ кіевской обители св. Феодора.

Вѣрный братъ его Стятославъ желалъ отомстить за него, и Изяславъ долженъ былъ выступить противъ него въ походъ, и прислалъ въ Кіевъ, прося помощи.

— Идемъ за тебя и съ дѣтьми, — кричали кіевляне въ отвѣтъ на рѣчь посла Изяславова. — Но въ это время нашелся человѣкъ, который сталъ разжигать давнюю ненависть къ олеговичамъ.

— Мы рады итти, — говорилъ онъ, но вспомните, что врагъ князя и народа Игорь не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно въ монастырѣ св. Феодора. — Умертвимъ его и тогда пойдемъ спокойно на черниговцевъ!

Народъ безумный, — какъ всегда безумна разжигаемая толпа, завопилъ:

— Да умретъ Игорь!

Напрасно братъ Изяслава Владиміръ увѣщевалъ народъ. Бунтовщики кричали:

(Дальше буде).

шмаривъ-емъ на обору, а паця нашло — и за двѣ годины ужъ го нее. Але пришли цигане и зѣли го, бо знате, же цигана ся ничь не хватитъ, ани наветъ украина. Пишете нонашку, жебымъ дашто вершомъ писавъ, — або якъ мазепинцѣ зовутъ „віршомъ“.

Вершомъ писавъ не буду, бо бысте знову дашто въ „почтѣ“ написали, якъ бы ся вамъ не сподобало. „Не бальономъ але возомъ“! Моистевы лѣпше прозомъ. Зрештомъ я ся не згоджу на то, жебысте мѣ платили 2 шусткы за вершикъ пôсьля тарыфы Гануляка. А и такъ теразъ вершы пишутъ и въ Баници и въ Бодакахъ, та я ужъ хыба дамъ покій.

А теразъ Вамъ доношу, же ся ужъ женивъ не буду хыбаль на другій рôкъ, бо моя Марися ужъ мя нехце, гваритъ жемъ кривый. Ужъ най тамъ буде, але я ся напрощу, бо ходжу каждый денъ до коваля, жебы ня простувавъ, то хто зна ци за мѣсяцъ не буду простый — якъ свѣчка! А втоды и Марися поправится.

А теразъ Васъ гардѣ поздравямъ, и нонашку и дѣти и уйчину Марину, — и уйка Осифа и дѣда Матіяша.

И поздравямъ свата Асафата и свата Теодота, — и стрыка Демка повыжше гостинця и Анульку зъ нижнього кôнця, — и будте мѣ здравенкы и Вы и Вашы маленкы. — Вашъ хресный

Мистеръ Фецько.

Кусъ съ политикы.

Австрія и Россія.

Отъ анексіи Боснѣ и Герцоговины, значитъ четвертый рôкъ тому, стоятъ противъ себе два моцарства готовы до вôйны: Австрія и Россія. Вôйна меже нима быти муситъ, якъ не теперь та въ четверъ, а муситъ. Вправдѣ дипльоматы политикы стараются вôйну оттягнути, — але ци дадутъ рады?

Австрія стоитъ наготовѣ, Россія робитъ „пробну“ мобилизацію... Та прецѣ все такъ не буде, не то все, але такъ рôкъ два вытримати не годно, бо то коштуе.

Яка може быти причина вôйны? Причиномъ вôйны може быти лемъ Балканъ, тотъ Балканъ, де сходятся интересы Австріи и Россіи.

На Балканѣ тамтого року загорѣлося, маленкы народы славянскы выдали Турціи вôйну и розбили ю, а тымъ самымъ вскрѣпилися. Была то робота русскихъ политикôвъ, — штобы въ рѣшаючій хвилѣ мати помôчъ противъ Австріи.

А австрійскы политикы тѣжъ не такы немудры. Ихъ цѣлью было розбити тотъ славянскій союзъ и допняли того, бо посварили меже собомъ союзникôвъ и видиме плодъ. Давны союзники шмарилися на себе и нищатъ то, што русскы политикы збудували.

И знову взросла пропасть меже Австріомъ а Россіомъ, и знову народы такъ Австріи якъ и Россіи непевны, ци буде вôйна заранъ, ци позарани, ци за мѣсяцъ, ци за рôкъ.

Вообще рôкъ 1913, — то рôкъ несчесливый. Ту зъ едной страны грозитъ вôйна, съ другой голодъ, бо дощь и дощь, бѣда и бѣда.

Братоубійственна вôйна.

За тотъ тыжденъ богато змѣны. Тамтого тыжня прозадили балканскы славяне вôйну, — але ищи не „офиціально“, значитъ, не выдавали собѣ вôйны, лемъ такъ безъ „выданя“. Теперь розгорѣлася страшна, братоубійственна вôйна, — лѣеся кровь братня бôльше, — якъ въ вôйнѣ турецкой. Винного нема, бо Болгаре складаютъ вину на Сербôвъ и Грекôвъ, Сербы и Грекы на Болгаръ.

За кѣмъ побѣды?

Розограли южъ кôлька битвъ, але не знати хто горомъ, бо едно и друге приписуе собѣ побѣду. — Сербы маютъ плянъ такій, жебы вторгнути до столицѣ Болгаріи — Софіи, и тамъ дыктувати условія мира своимъ братямъ Болгарамъ. — Такого пляну держатся и Болгаре, жебы дыктувати Сербамъ условія мира въ Бѣлградѣ, столицѣ Сербіи.

Хто першій дôстанеся до столицѣ ворога и брата?

Теперь того предвидѣти не можна, бо вправдѣ, якъ ґазеты доносятъ, сербской арміи грозитъ знищиня въ Македоніи, — же зостала оточена болгарскими войсками, але Болгаре на полудни зостали побиты черезъ Грекôвъ и цофаются, а Грекы спѣшатъ съ помочію Сербамъ.

Зрештомъ насъ не може тѣшити ничія побѣда, такъ Болгаръ якъ и Сербôвъ, бо они оба наши братья, и мы бы хтѣли, жебы и Сербы и Болгаре вôйну выграли.

А они выграти не жожутъ, — лемъ програти, — бо ци побѣдятъ Сербы, ци Болгаре, — та все оба будутъ побиты, ослаблены и потомъ едного и другого третій, правдивый врагъ розобье.

Што робитъ Румунія?

Сусѣдка Болгаріи Румунія, южъ зобрала войско и жде што буде дальше. Бо если бы Болгарію розбили Сербы и Грекы, — та дастъ покôй, — але если Болгарія побье Сербію и Грецію, — то Румунія не може допустити до взросту Болгаріи и рушитъ на ню вôйномъ. — Отже ци такъ, ци такъ, та Болгарія програти муситъ.

Што робитъ Турція?

Турецкы газеты и народъ жадаютъ отъ турецкого правительства, жебы вмѣшалося до вôйна и одобрало Болгаріи частъ завоюваной землѣ. Турція жде спосôбной хвилѣ.

Што мыслитъ Австрія и Россія?

Если бы побѣдила Сербія Болгарію, — втоды муситъ выступити противъ взросту Сербіи Австрія, — яко ей ворогу, а если Австрія выступитъ противъ Сербіи, та муситъ и Россія рушитися. — Выходитъ съ того, же може ищы прити до страшной вôйны европейской, котра виситъ надъ нами другій рôкъ.

КОНКУРСЪ.

Общество „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ объявляе симъ конкурсъ на принятье 40 учениковъ на 1913/14 шк. рôкъ. Прошенья маютъ вносити родители або опекуны ихъ по 15. серпня н. ст. на адресъ: „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ, ул. Змигородская. Съ прошеньемъ слѣдуе внести свѣдоцтво крещенья и школьное, а если хто проситъ о пониженье мѣсячной доплаты, то и свѣдоцтво убожества. — Кромѣ того треба прислати въ прошеню почтовую марку за 10 гел. на звычайный,

а 45 гел. на заказный отвѣтъ. Хто былъ воспитанникомъ Бурсы передъ вакаціями може внести только прошенье; если не внесе прошенья, то не буде принятый въ Бурсу на слѣдующій рôкъ.

Мѣсячная доплата по причинѣ значительного долга Бурсы повысшена на 30 коронъ. — Она може быти понижена ученикамъ бѣднымъ, но съ хорошимъ поведеньемъ и успѣхомъ въ наукахъ.

Всѣ воспитанники маютъ мати: куферокъ на рѣчи, сѣнникъ, 3 простирала, 3 пошевки, подушку, 6 паръ бѣлья, — 3 ручники, 6 носовыхъ хусточокъ, зимовое и лѣтное убранье, плащъ, 2 пары чобôтъ, 6 паръ шкарпитокъ, або онучокъ, щетки до чищенья убранья и обуви, — мыло, зеркальце, гребень. Лôжко даетъ Бурса.

Прошенье о принятье въ Бурсу — могутъ вносити ученики всѣхъ клясъ и шкôлъ въ Горлицяхъ, т. е. гимназіи, народной и першихъ двохъ клясъ выдѣловой школы.

Правленіе
„Русской Бурсы“ въ Горлицяхъ:
о. Вл. Калужняцкій *Феодотъ Танчинъ*
предсѣдатель. секретаръ.

Проснись Ваню!

Вставай Ваню, бой ся Бога!
Гдежъ такъ спати — та то встыдъ!
Солнце ужъ гетъ пôдъ полудне
А тотъ спитъ — то хлопъ брыдъ.

Дай мѣ спокôй! я тя прошу
Чого кричишь, чомъ ся дрежь?
Спали мои нянѣ, дѣды
И я буду — чого хцешь?

Ваню! Чехъ ужъ всталъ до працѣ
Зоралъ, посялъ, теперь жне
Хоць го хотѣлъ швабъ приспати,
Но за пôзно теперь вже.

Гнесъ Чехъ — народъ просвѣщеный,
Народъ, котрого поважатъ свѣтъ;
Народъ, што душу далбы за свое
У котрого хрунєвъ нѣтъ.

Я не Чехъ — и нимъ не буду
Начъ ся буду просвѣщалъ
Жили няньо, дѣдо жили
Хоцъ жаденъ зъ нихъ ничъ не зналъ.

Ваню, вставай! Бой ся Бога
Дежъ такъ спати, ганьба смѣхъ
Ляхъ, — жидъ возме нивку твою
Русску нивку — тяжкій грѣхъ.

Будешъ слугомъ, десъ былъ паномъ
Будешъ дурный rusin — goj
Або съ торбомъ въ свѣтъ — за очи
Пôйдешъ русскій брате мой.

Ваню! Ваню! Матеръ твою
Русь святую — ворогъ бье
И понижатъ и высмѣватъ
Бой ся Бога — вставай вже.

Съ креминалôвъ чути стоны
Братей твоихъ — а ты где?
Спишъ сномъ раба невôльника
Бой ся Бога — вставай вже.

А выборцы братья твои
Разомъ зъ врагомъ мучатъ Русь
Она свята заплакана
Жде помочи — встань же ужъ.

Дежъ дамъ рады тôлько врагамъ:
Ту Мазепа, Швабъ, Жидъ, Ляхъ...
Волю спати, бо не виджу
Якъ мучатъ мамоньку — страхъ.

Не поможешъ — хоть потѣшишъ
И иншихъ збудишъ на бой
И слезы отрешъ матеры
Вставай Ваню — брате мой!

Ваню вставай — гвалту кричу
Въ церковъ твою грябя Ляхъ
Наславъ „піпів“ езуѣтôвъ
Внетъ „органки“ будутъ въ насъ.

Вера брешешъ! Бôгме правда
Езуитъ нищитъ нашъ храмъ
Не позволю — встаю — лечу
Я за вѣру житье дамъ.

Гнатъ Селакъ.

НОВОСТИ.

Іеромонаха Петра изъ с. Долгого арештували, выпустили, засъ арештували и засъ выпустили, и знову арештували и знову выпустили и т. д. — Іеромонахъ Петръ человѣкъ невинный, они о тôмъ добрѣ знаютъ, — але черезъ то часте арестованье хотятъ змусити его до того, щобы забрався самъ.

Горяча въ Америцѣ. Коли въ насъ осѣнне зимно и дощи, то съ Америкы доходятъ вѣсти о окрутныхъ горячахъ и посухахъ. Съ мѣстъ американскихъ Ню Іорку, Чикаго и другихъ мѣстъ приходятъ вѣсти о несчестяхъ съ поводу горяча —

И такъ: Въ Чикаго въ еденъ денъ вмерло 38 люди дорослыхъ съ горяча — а 86 дѣтей. На улицяхъ млѣютъ люде и падаютъ якъ мухы. Роботу въ декотрыхъ фабрикахъ прервано съ того поводу.

Чудесное исцѣленіе нѣмого. — Въ Россіи коло мѣста Харькова произошло чудесное уздоровленіе нѣмого. Было такъ: Порфирій Сторожко кôлька лѣтъ тому, съ поводу хоробы стративъ бесѣду. Пôдчасъ церковной процессіи начсесный калѣка, — цѣлувавъ по дорозѣ образъ Песчанской Богоматери и горячо молилъ о исцѣленіе. Горяча, искренна молитва была услышана, и когда Порфирій Сторожко послѣдный разъ поцѣлувавъ образъ Богоматери, совершилося чудо и промовивъ. Порфирій Сторожко и его отецъ плакали съ радости и благодарили Царицу Небесну, за Ей великую милость. Многи тысячи православныхъ богомольцевъ пало на колѣна и возносили горячіе молитвы. Крѣпка вѣра исцѣлила калѣку.

Битка въ костелѣ. На Литвѣ, пôдъ русскимъ владѣніемъ повстала борьба — меже поляками а литвинами. — Поляки хотятъ, штобы литвины называли себе поляками, а тымъ часомъ каждому своя назва мила! Литвины то не наши украинцѣ, штобы вырѣкалися свого имени, але боронятъ го завзято. Треба знати, же дотля на Литвѣ всьо было въ рукахъ полякôвъ; такъ и въ костелахъ сьпѣвали „godzinki“ по польскы. Але теперь выступили противъ того Литвины и приходитъ часто въ костелахъ до сварокъ, а часомъ и до битки. Такъ въ мѣсточку Сейнахъ пришло до кровавой битки въ костелѣ, ажъ мусѣли вмѣшати ся власти — и успокоити.

Письмо патріарха Германа архіепископу Антонію Волынскому. „Преосвященнѣйшій архіепископъ волынскій и житомирскій, святымъ духомъ возлюбленныхъ братъ. и сослужитель нашей мѣрности, благодать и миръ Божій да будутъ съ вашимъ преосвященствомъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ и любовью получили мы письмо нашего преосвященства отъ 30. апрѣля и содержаніе его прочли съ большимъ вниманіемъ. Особенно приняли мы къ серцу мысль и содержаніе посланныхъ двухъ брошюръ о доведенномъ до высшей степени угнетенія (о, если бы єтого не было) и всевозможныхъ притѣсненій возвратившихся и возвращающихся по благодати Божіей въ родную православную вѣру христіанъ въ Галиціи и Венгріи. Просимъ и молимъ Господа, чтобы своею непобѣдимою силою Онъ скоро привелъ жаждущій благочестія народъ изъ нынѣшняго испытанія и мукъ къ утѣшенію и успокоенію. Особенно, же призываемъ высшую силу и крѣпость всѣмъ духовно заботящимся о находящемся въ такомъ безпомощномъ положеніи и беззащитномъ народѣ, объявляя, что и мы будемъ готовы и должны считать своимъ священнымъ долгомъ доставлять всю возможную съ нашей стороны помощь и зашиту. Благодаря ваше преосвященство за дружескія привѣтствія и молитвы, усерднѣйше просимъ Бога, да пребываютъ Его благодать и безконечная милость съ нашимъ преосвященствомъ.

Германъ, во Христѣ братъ.

Іюня 5. 1913 года.

Воды. Въ Новôмъ Санчѣ — выляли обѣ рѣкы: Дунаецъ и Камениця, такъ же ушкодило навѣтъ будынкы. Страты окрутны. Не обышло ся и безъ несчесливыхъ выпадкôвъ. И такъ: еденъ хлопъ втопився въ Дунайци, другій ся топивъ, але якоси хватився вербы, вдрапався на ню и зачавъ кричити о помôчь. Злетѣлися люде, але два члены товариства плывацкого не хтѣли го задармо ратувати, покля не дôстали 200 К. напередъ. Люде безъ серця! — Бôльше несчестя во всхôдной Галичинѣ: Тамъ повыливали правѣ всѣ рѣкы, забрали сѣно, знищили поля, — дорогы. Рухъ колѣевый на декотрыхъ лѣніяхъ прервано. Страшны рѣчи! А ту лѣе и лѣе.

„Мойсейова исторія“. Перемыска полька газета доноситъ, же люде съ Красичина оповѣдаютъ таку исторію: — На рѣцѣ Сянѣ схвачено кôшъ, ци скринку, котра мала зъ горы океанка. Коли тоту скринку вытягнули на берегъ, въ скринцѣ было ....4-лѣтне дзецко, котре на пытаня отповѣдало, же нема родичôвъ, бо вмерли, а ховатся у бабкы въ Кривчи, — Хто го всадилъ до скринкы и пустилъ на рѣку повѣсти не знало.

Смертъ отъ трупа. Въ Нѣмцяхъ, въ Солингенъ застрѣливъ съ неосторожности братъ сестру. — Мати прилетѣла и коли выдѣла мертву дитину, — зачала плакати, ляментувати и цѣлувати трупа и заразила ся ядомъ трупьимъ и середъ страшныхъ мукъ вмерла.

Знову „шпьегъ“. Газеты доносятъ, же наши власти знову схватили шпьега, а былъ нимъ будовнячій австрійскихъ крѣпости на италіянской границѣ.

**Надѣли сой мазе-
пинцѣ козацку
одежу,
Тай лемковску съ
крикомъ-гукомъ
преступили межу.
Хтѣли вѣру „ина-
чыти“ русскостъ
закопати
Нашу святость одо-
брати асвою намъ
дати**

**Лемъ-же лемкы ся
збачыли, бо тварь
не козацка,
Але „пика“ Русь-
здрадника „льо-
кайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы
лемкы никусъ не
шпасуютъ...
Неборакы „мазепин-
цѣ“ съ йойкомъ
отлѣтуютъ...**

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

НА ОТПУСТѢ.

Не памятамъ въ котрôмъ роцѣ, — въ котрôмъ дни, ци въ день, ци въ ночи, рюкъ я дома: „Слухай стара и вы дѣти треба мѣ на отпустъ ити, тра ся грѣхôвъ гетъ позбыти, Пану Богу помолити. Тысъ тамтого року была, а пôдешь засъ, якъ будешь жила. Рôкъ не вѣкъ, дочекашь другого, а теперь дай покôй, пустъ мене самого! — Зостанъ дома и припильнуй обыстя и дѣти, — прецѣ съ шиткымъ до Креницѣ не можеме ити!“

— Най-же буде, гваритъ стара, — хоцъ быкы и кони пара! Трудъ буде си рады дати, греба буде штукувати... Но ты грѣхôвъ ся позбудешь, може дакусь лекшій будешь и цѣкавшій... Лемъ небоже по отпустѣ приходъ заразъ! — Памятай же: Хрань тя Боже даде въ корчму заходити и съ кумами разомъ пити! — Бысъ мавъ отъ мя „фестъ“ амбарасъ!

Ищы мѣ наказувала тото-ноно, але вкôнци грудку дала, — ку нѣй кныша съ бѣлой мукы, — што можъ ѣсти безъ принукы и убрала, позастѣгала, тай на отпустъ мя выпхала.

Пустивъ я ся... — Иду, иду, забывъ роскôшъ, забывъ бѣду, лемъ о грѣхахъ роздумую, бю ся въ груди, медитую... — Тай презъ Берестъ и на „гуту“, — демъ засьнѣвавъ си на „нуту отпустяну“: Пречистая Дѣво Мати, — не дай грѣшнымъ пропадати... и такъ дале, ажъ ся голосъ гетъ розходивъ. Але ѣсти ся мѣ хтѣло, а якъ голодъ, та немило и сьпѣвати, — хце ся ѣсти, мусишь мати! Безъ шиткого даякъ будешь, а безъ хлѣба засъ николи! И о грѣхахъ си забудешь.

Знявъ я торбу съ плечъ поволи, — сѣвъ пôдъ вербу, вынявъ кнышикъ съ гардой мукы, што можъ ѣсти безъ принукы, тай покрѣпилъ смертне тѣло. А же южъ пôдъ вечеръ было, позберавъ ся, ставъ на ногы, — тай ся пустивъ засъ въ дорогу.

Зъ „гуты“ зъ горы, добрѣ ити, — можъ помалы, — можъ летѣти и за яке пятъ „отченашъ“ южъ предъ собомъ драгы немашъ, — южъ Креница и храмъ Павла, та и Петра южъ ти дале ити не тра, ту ся можешь очистити, прегрѣшеній ся позбыти...

День предъ Петромъ ся дѣяло: — Люди было ищы мало, тай пôшовъ я до сповѣди, — бо съ десятьохъ сповѣдало Боже пріймій... (По сповѣди на сумѣню полекшало) Боже пріймій, — шмаривъ „мѣди“ на офѣру, хоцъ убогу але щиру.

А же было южъ звечера, треба было ночувати; даде свата тра глядати, — або свахы хоцъ отъ бѣды, або уйка, або дѣда. Пытамъ я ся добрыхъ люди, тай мѣ гварятъ: „Якоси буде!“ Шыткы зме си пріятелѣ...“ Тай мя деси тамъ завели, — **накормили, постелили — тай до спаня положили.**

На другій денъ стаю зрана, — иду въ церковъ. (По дорозѣ стрѣчамъ Ваня). Дзвонятъ дзвоны, люде грѣшны бютъ поклоны, дзяды йойчатъ, дѣти плачутъ, а декотры засъ си скачутъ, а пôдъ церкьомь „каву“ варятъ, дале ся циганкы сварятъ и зъ отпусту ярмакъ робятъ. — Тамъ южъ деси ся попили и южъ зрана ся побили.

Народа моцъ! Угро-руссы и Словакы и цигане и полякы, лемъ же дзяды самы польскы, просятъ Бога для насъ ласкы...

Поможъ нарôдъ засъ чорнѣютъ студентикы, парадуютъ си „крисками“, „фильозофы“ и „прайникы“ буцѣками и „ковтами“, учителѣ „панамами“, — „райтгозами“; бѣлѣеся и панями, паньенками — шелестятъ сукнями.

Шитко пришло на отпустъ грѣхôвъ ся позбыти и у Бога ласкы сьвѣжой собѣ упросити...

Въ церкви Служба... тай я грѣшный зашовъ выслухати проповѣди, — што „іегомосьцъ“ изъ Ростокы зачали кричати: „Не пій кричатъ, не чужоложъ и люби ближнього, бо не видишь южъ по смерти царствія божого!“

Ой „іегомось“, мышлю собѣ, добрѣ вы кричите! — Але сами за ти грѣхы царствія не узрѣте! Не пій, гваритъ, ци такъ, якъ вы? — Не чужоложъ! ци такъ якъ вы?

„Іезуиты“ „іезуиты“ покайтеся сами, бо судъ страшный надъ хлопами, — але и надъ вами!

По отпустѣ засъ гостина, — достъ палюнкы, пива, вина, лѣютъ дося шыткы станы: ци іегомось, ци панове, паничове, лѣютъ хлопи, лѣютъ бабы, сваты, кумы и кумове и такъ буде на тотъ рôкъ и во вѣковъ вѣкъ...

Люде, люде, што то буде?

Ваньо Гунянка.

МА СЧЕСТЯ.

— Южъ гнескы емъ три разы фуру зо сѣномъ превернувъ, а файка ищы цѣла. Мамъ окрутне щестя...

ЗНА О ТÔМЪ.

— Сусѣде, знате вы о тôмъ, — же вашы куры ходятъ на мою обору?
— Такъ, знамъ о тôмъ!
— А откаль о тôмъ знате?
— Бо мѣ келя бракуе.

Съ сельской политикы.

Кумъ Осифъ: — Повѣчте-ле мѣ куме, яка рôжниця меже старомъ „панщиномъ“, а нашомъ новомъ „конституційомъ?„

Кумъ Ваньо: Ба! та вы не знате? Та панщина была для насъ, а конституція для другыхъ!

САМОѢДЫ.

Достъ зме мали всякой бѣды,
Ищы пришли самоѣды...
И наши ся заразили,
(Бо дотля ся такъ не ѣли)
И жрутъ-ѣдятъ ся навзаемъ
Старымъ русскымъ обычаемъ...
Намъ то вправдѣ ничъ до того,
Лемъ повѣме вамъ: „вкусного“!

„вълковъ аминъ“.

ПОЧТА.

Мистеръ Фецькови: Гевъ ся людьомъ цне безъ Тя и Тобѣ ся цне безъ люди. Ци и гвасъ люде сутъ?

Феодоръ Барановскій, — Ансонія Коннъ, Америка. Посланы Ваши 500 К., пришли до Лемковской Кассы“ и втягнены въ книжечку „Народного Фонда“.

Барзъ гардѣ дякуеме и просиме не забывати на дальше.

ШТО ПОЧНЕ...

— Я васъ просивъ тето, — жебысте тримали языкъ за зубами, — а вы взяли и шытко выпапляли.

— Та штожъ я почну, коли немамъ ани едного зуба.

ПРИ ХОРÔМЪ.

Хорый: Такъ, господине докторъ, не можу южъ ани ходити, ани сидѣти, ани лежати. Штожъ мамъ робити?

Докторъ: Треба хыбаль висѣти...

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ДМИТРІЙ ВИСЛОЦКІЙ.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.